

ДЖУЛИАН ХАРТМАН

ПРАВДА
ДРУЖБА
СМЕЛОСТЬ

АЛИ и ЖАКЛИН

УДИВИТЕЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ ДРУЖБЫ

18+

Джулиан Хартман

**Али и Жаклин. Удивительная
история дружбы**

«Автор»

2026

Хартман Д.

Али и Жаклин. Удивительная история дружбы / Д. Хартман —
«Автор», 2026

В ночном парке Лиона студент-медик Али видит, как двое богатых молодых людей нападают на девушку. Он мог пройти мимо. Мог сделать вид, что ничего не слышал. Мог выбрать безопасность после изнурительной смены в больнице. Но он выходит из темноты и спасает Жаклин.

Джулиан Хартман

Али и Жаклин. Удивительная история дружбы

Настоящий текст представляет собой художественное произведение. Персонажи, сюжетные линии, организации, события и описанные обстоятельства являются вымышленными либо переосмыслены автором в художественной форме. Возможные совпадения с реальными людьми, организациями, компаниями или историческими событиями не являются умышленными.

«Почти всё, что вы делаете, будет казаться незначительным, но очень важно, чтобы вы это сделали».

Махатма Ганди

Пролог

В кабинете на верхнем этаже особняка в престижном шестом округе Лиона за панорамными окнами моросил мелкий холодный дождь, размывая неоновые огни ночного города в сплошные желто-красные полосы.

Анри Валуа, владелец крупного регионального медиахолдинга, стоял у окна, заложив руки за спину. Его дыхание было ровным, но костяшки пальцев побелели от напряжения. В глубоком кресле позади него, ссутулившись и прижимая к разбитой губе завернутый в полотенце лед, сидел его девятнадцатилетний сын Жюльен. Рядом, нервно теребя манжеты дизайнерской рубашки, переминался с ноги на ногу Максим — сын давнего партнера Анри, адвоката Клода Дюбуа. У Максима на левой скуле наливался лиловым цветом свежий, болезненный синяк.

Сам Клод сидел на краю массивного дубового стола, скрестив руки на груди. В комнате царил тяжелая, вязкая тишина, нарушаемая лишь тихим постукиванием кубиков льда, когда Жюльен менял положение компресса.

— Позвольте мне прояснить ситуацию, — голос Анри прозвучал тихо, но от этого металла в интонации Жюльен вздрогнул и вжал голову в плечи. Валуа-старший медленно повернулся к парням. — Вы, два идиота, напились в клубе, пошли через парк Тет д'Ор, увидели одинокую девушку, решили «пошутить», выхватили у нее сумку, начали оскорблять. А когда какой-то случайный прохожий сделал вам замечание, вы полезли в драку и получили по заслугам. Я ничего не упустил?

Жюльен опустил глаза на ковер.

— Пап, мы просто хотели...

— Замолчи! — рявкнул Анри, с силой ударив ладонью по столешнице. Хрустальная пепельница жалобно звякнула.

— Ты хоть понимаешь, чем это грозит? Если она пойдет в полицию, если это всплывет в прессе... «Сын Анри Валуа задержан за нападение на студентку»... Мои конкуренты сожрут нас с потрохами. Акции холдинга обвалятся уже на открытии торгов.

Клод Дюбуа тяжело вздохнул, снял очки и потер переносицу. — Анри, давай без истерик. Полиция пока не приезжала. Девушка, скорее всего, напугана до смерти и сидит дома. Нам нужно просто сгладить углы.

— Сгладить углы? — Анри горько усмехнулся, указывая на парней. — У Максима фингал на пол-лица, у моего идиота разбита губа и порвана куртка за тысячу евро. Завтра они должны были присутствовать на благотворительном вечере в мэрии. Как ты предлагаешь это сгладить? Сказать, что они упали с лестницы, держась за руки?

Максим, до этого молчавший, вдруг поднял голову. — Тот парень... который нас избил. Он был арабом.

Повисла долгая пауза. Анри замер, медленно перевел взгляд на Максима, затем на своего сына.

— Арабом? — переспросил он, и тон его голоса неуловимо изменился. Исчезла ярость, уступив место холодному, расчетливому вниманию.

— Да, — кивнул Жюльен, убирая лед от лица. — Темноволосый, говорил с небольшим акцентом. Он налетел на нас из темноты. У него точно что-то было в руке — кастет или что-то вроде того — иначе он бы нас так быстро не раскидал.

Анри подошел к бару в углу кабинета, взял хрустальный графин и плеснул на дно бокала янтарную жидкость. Он несколько секунд смотрел на игру света в стекле, прежде чем сделать глоток.

— Клод, — тихо произнес он, не оборачиваясь. — Кто у нас сейчас дежурит в центральном комиссариате?

— Инспектор Легран, — тут же отозвался адвокат, надевая очки обратно.

— Он у нас в долгу после той истории с его племянником.

— Отлично.

Анри повернулся к парням. Его лицо теперь выражало лишь спокойную, деловую сосредоточенность — ту самую, с которой он обычно уничтожал конкурентов на медиарынке.

— Слушайте меня внимательно, оба. Вы не нападали на девушку. Жюльен непонимающе моргнул.

— Но пап...

— Я сказал, слушайте! — отрезал Анри, подойдя вплотную к креслу сына и опершись руками о подлокотники. — Вы шли через парк, слышали крики, побежали на помощь. Какая-то девушка отбивалась от взрослого мужчины, мигранта, который пытался затащить ее в кусты. Вы вступились за нее.

Клод Дюбуа медленно кивнул, на его губах появилась слабая, одобряющая улыбка. — Он был вооружен, — подхватил адвокат, доставая из внутреннего кармана пиджака блокнот. — Вытащил кастет. Вы дрались отчаянно, спасая девчонку, и ей удалось убежать благодаря вам. А нападавший скрылся, когда понял, что вы не отступите.

Жюльен и Максим переглянулись. Страх в их глазах начал сменяться пониманием и робкой надеждой на спасение.

— Но... а если эта девушка пойдет в полицию и расскажет, как все было на самом деле? — неуверенно спросил Максим.

— Девушка была в состоянии шока, — Анри выпрямился и поправил галстук. — В темноте, напуганная, она могла ничего не разобрать. А если и попытается что-то сказать... Клод, твои ребята из юридического отдела смогут убедить судью, что сильный стресс мог исказить ее восприятие и воспоминания?

— Без проблем, — Клод достал телефон. — К тому же, кто поверит испуганной студентке, когда против нее показания двух уважаемых молодых людей, пострадавших при попытке предотвратить насилие?

Анри кивнул и посмотрел на дорогие швейцарские часы на запястье.

— Сейчас мы едем в частную клинику, фиксируем травмы и получаем медицинские заключения. Жюльен, постарайся выглядеть как можно более потрясенным. Клод, звони Леграну прямо сейчас — пусть поднимает патрули. Нам нужен этот парень, и чем быстрее его найдут, тем лучше.

Оставив адвоката звонить в полицию, Анри подошел к своему рабочему столу и нажал кнопку интеркома, связываясь с ночным редактором своего новостного портала.

— Симон? Подготовь для утреннего выпуска срочную новость. Заголовок: «Жестокое нападение в парке Тет д'Ор. Двое молодых людей пострадали, защищая юную француженку от мигранта». Да, подробности скину позже. Сделай акцент на проблеме безопасности на улицах и бесконтрольной преступности.

Он отключил связь и снова посмотрел на ночной Лион. Дождь усилился, барабания по стеклу. Машина лжи уже была запущена, ее шестеренки пришли в движение, и Анри Валуа совершенно не волновало, чью жизнь она перемелет к утру. Репутация его семьи останется безупречной, а рейтинги его изданий взлетят до небес.

Глава 1. Ночной парк

Густые кроны вековых деревьев в парке Тет д'Ор смыкались над головой, образуя темный, почти непроницаемый свод, сквозь который лишь изредка пробивался тусклый городской свет. Гравий мерно хрустел под тяжелыми ботинками. Али шел медленно, наслаждаясь этой обволакивающей тишиной, которая казалась настоящим спасением после четырнадцати часов непрерывного хаоса в отделении травматологии.

Пальцы правой руки машинально массировали затекшую шею. Мышцы окаменели от долгого стояния над кушетками, необходимости удерживать пациентов, фиксировать переломы и накладывать шины. Запах йода, спирта и чужой боли, казалось, вьелся в самую кожу, и сейчас, вдыхая прохладный октябрьский воздух, молодой человек пытался очистить легкие от больничной атмосферы. Парк в такой поздний час обычно пустовал. Ворота уже должны были закрыться, но местные знали несколько прорех в ограде, позволявших сократить путь до жилых кварталов шестого округа.

Свет одинокого фонаря впереди выхватывал из темноты кусок мощеной аллеи и массивную чугунную скамейку. Именно оттуда донесся звук, заставивший Али остановиться.

Сначала это был просто резкий, неестественно громкий смех, разбивший тишину парка, затем последовал сдавленный женский вскрик и звук возни.

Студент замер, прислушиваясь. Адреналин, только что утихший после смены, снова начал поступать в кровь. Шагнув с хрустящего гравия на мягкую траву обочины, он бесшумно двинулся вперед, скрываясь в тени платанов.

Картина под желтым кругом света проявилась через пару десятков метров. Двое парней зажали у скамейки девушку. Силуэты нападавших выглядели уверенными и расслабленными. Один из них, высокий, в светлом дорогом пальто, крепко держал жертву за запястье, прижимая ее руку к спинке скамьи. Второй, чуть пониже, в кожаной куртке, с издевательской ухмылкой тянул на себя тонкий ремешок женской сумочки.

— Да брось, мы же просто хотим познакомиться, — голос парня в пальто, Жюльена, как позже узнает Али, сочился самодовольной снисходительностью. — Чего ты такая нервная?

— Отпустите меня! — голос девушки дрожал от паники, но она отчаянно пыталась вырвать сумку. — Я сейчас закричу!

— И кто тебя услышит? — усмехнулся второй, Максим, дернув ремешок сильнее. Девушка потеряла равновесие и болезненно ударилась плечом о чугунный подлокотник. — Белки? Отдай по-хорошему, мы посмотрим, что там, и может быть...

Тяжелый вздох сорвался с губ Али. Усталость как рукой сняло, уступив место ясности. Он вышел из спасительной тени прямо в круг тусклого света.

— Отпустите ее, — голос прозвучал ровно, но достаточно громко, чтобы эхом разнестись по пустой аллее.

Троица у скамейки замерла. Максим первым повернул голову, шурясь от света фонаря. Его ухмылка на секунду сползла, но, оценив одинокую фигуру в простой куртке и с рюкзаком на одном плече, быстро вернулась на место.

— Ты кто еще такой? — презрительно бросил он, не выпуская ремешок сумки. — Иди куда шел, приятель, это не твое дело.

Жюльен тоже обернулся, слегка ослабив хватку на запястье девушки. Она тут же воспользовалась этим, вырвала руку и вжалась в спинку скамейки, тяжело дыша. Ее глаза, расширенные от ужаса, метнулись к Али в поисках спасения.

— Я сказал, оставьте девушку в покое, — медленно, чеканя каждое слово, повторил Али. Он не стал приближаться вплотную, оставив между собой и хулиганами около трех метров — идеальную дистанцию для оценки ситуации.

Жюльен переглянулся с Максимом. В их взглядах не было страха, только раздражение от того, что их развлечение прервали, и опьяняющее чувство собственной безнаказанности. Это были сытые, уверенные в себе дети дорогих кварталов, для которых весь город представлял собой игровую площадку.

— Смотри-ка, герой нарисовался, — процедил Жюльен, полностью разворачиваясь к Али. — Тебе жить надоело, грязный ублюдок?

Максим отпустил сумку. Та с глухим стуком упала на асфальт, содержимое частично высыпалось наружу. Оба парня синхронно двинулись на Али.

Их тактика строилась на численном преимуществе и агрессии, но к решительному отпору они оказались явно не готовы. Жюльен, будучи крупнее, сделал быстрый шаг вперед и с размаху выбросил правый кулак в голову Али. Удар был сильным, но совершенно дилетантским — широким, предсказуемым, открывающим весь корпус.

Годы тренировок на татами сработали быстрее, чем Али успел об этом подумать. Тело само вспомнило нужные движения: вместо того чтобы отступить, он сделал короткий шаг навстречу и влево, уходя с линии атаки. Кулак Жюльена рассек пустоту. Одновременно с этим левая рука Али жестко перехватила запястье нападавшего, а правая легла на локтевой сгиб. Короткое, резкое движение корпусом — и энергия чужого удара обернулась против самого Жюльена. Парень с криком потерял равновесие и рухнул лицом на мощный асфальт, больно приложившись скулой.

Максим, увидев падение друга, взревел и бросился сбоку, пытаясь схватить Али за куртку. Тот резко развернулся на опорной ноге, перехватил вытянутую руку Максима за рукав кожаной куртки и, подсев под его центр тяжести, провел классическую подсечку. Ноги хулигана взлетели в воздух, и он с тяжелым стуком рухнул на спину, выбив из легких весь воздух.

Короткая стычка заняла не больше пяти секунд. Тяжелое дыхание троих парней нарушало тишину парка.

Али отступил на шаг, не принимая боевой стойки, но оставаясь собранным, готовым к продолжению. Однако продолжения не последовало. Жюльен поднялся на четвереньки, сплевывая на асфальт кровь из разбитой губы. Максим перекатился на бок, судорожно глотая воздух и держась за ушибленную спину.

— Ты... ты покойник, слышишь? — прохрипел Жюльен, поднимаясь на ноги и отступая за спасительную границу света. В его голосе больше не было самоуверенности, только жгучая обида и страх. — Ты хоть знаешь, кто мы такие? Мы тебя уничтожим!

— Убирайтесь, — ответил Али, не сводя с них глаз.

Парни, сыпля проклятиями и угрозами, попятились в темноту аллеи. Спустя минуту их шаги стихли вдали.

Напряжение, сковывавшее мышцы, начало отпускать. Али выдохнул, провел рукой по волосам и повернулся к скамейке.

Девушка сидела на самом краю, обхватив плечи руками, ее била крупная дрожь. Светлые волосы растрепались, пальто было перекошено.

— Они ушли, — мягко произнес Али, стараясь, чтобы его голос звучал как можно спокойнее и тише. — Вы не ранены? Они вас не ударили?

Она судорожно покачала головой, не в силах произнести ни слова. Глаза все еще лихорадочно блестели от застывших слез и пережитого ужаса.

Опустившись на одно колено, молодой человек принялся собирать рассыпавшиеся вещи. На холодном камне валялись мелочи: ключи с пушистым брелоком, пудреница, чудом уцелевший телефон экраном вниз. Чуть поодаль лежал толстый блокнот в кожаной обложке, который при падении раскрылся на середине.

Свет фонаря упал на страницы. Там, на плотной бумаге, были наброски: десятки линий тушью и карандашом складывались в силуэты элегантных платьев, сложные драпировки тканей, детали воротников и манжет. Поля страниц пестрели аккуратными пометками о фактуре материала и цветовой палитре.

Али бережно поднял блокнот, аккуратно сложил внутрь выпавшую ручку и закрыл обложку. Затем он собрал остальные вещи, сложил их в сумочку и протянул девушке.

— Держите. Кажется, телефон цел, и ваши эскизы не пострадали. Очень красивые работы.

Услышав похвалу своему творчеству, девушка словно немного оттаяла. Она неуверенно протянула дрожащие руки и забрала сумку, прижав ее к груди, как щит.

— С-спасибо, — ее голос сорвался, прозвучав едва слышным шепотом. Она прочистила горло. — Спасибо вам огромное. Если бы не вы... я не знаю, что бы они сделали.

— Все позади, — Али поднялся на ноги, забросив свой рюкзак обратно на плечо. — Вам нельзя сейчас оставаться одной — эти придурки могут вернуться с подмогой или поджидать у выхода из парка. Позвольте мне проводить вас до дома. Обещаю, я не кусаюсь.

Слабая, неуверенная улыбка тронула ее губы. Оценивающий взгляд скользнул по лицу спасителя. В его темных глазах не было ни угрозы, ни скрытого мотива — только искреннее участие и профессиональное спокойствие врача, привыкшего иметь дело с чужой болью.

— Хорошо, — кивнула она, поднимаясь со скамейки. Ноги немного подкашивались, но она упрямо выпрямила спину. — Я живу недалеко, на авеню Фош. Меня зовут Жаклин.

— Али, — он слегка наклонил голову в знак приветствия. — Пойдемте, Жаклин, выход на бульвар де Бельж ближе всего.

Они двинулись по темной аллее бок о бок, идя в полном молчании. Гравий снова захрустел под ногами, но теперь этот звук не казался умиротворяющим — он заставлял Жаклин постоянно оглядываться в темноту. Али намеренно шел чуть впереди, со стороны неосвещенных кустов, заслоняя девушку собой.

Постепенно деревья расступились, и впереди показались кованые ворота выхода из парка, за которыми сияли огни ночного города. Выйдя на ярко освещенный тротуар, Жаклин заметно расслабилась. Дрожь в плечах унялась, шаги стали более уверенными.

Чтобы отвлечь спутницу от пережитого шока, Али решил нарушить тишину.

— Вы учитесь на дизайнера?

Жаклин поправила ремешок сумки, перекинув его через здоровое плечо.

— Да, второй курс университета, модельер-конструктор. — Она глубоко вздохнула, наполняя легкие городским воздухом. — Я засиделась в библиотеке, готовила проект по исторической реконструкции костюма эпохи Возрождения. Забыла про время, а когда вышла, автобусы уже ходили редко. Решила срезать путь через парк... Это было так глупо.

— Это не ваша вина, — твердо возразил Али, глядя прямо перед собой. — Вы имеете право ходить по своему городу в любое время, не опасаясь, что на вас нападут двое отморожков.

Жаклин искоса посмотрела на профиль молодого человека.

— Вы так уверенно с ними справились. Вы спортсмен?

Али усмехнулся, покачав головой.

— Скорее, бывший любитель. Занимался дзюдо в школе и на первых курсах университета. Сейчас на спорт совсем не остается времени. Я студент-медик, интернатура... Практика в больнице забирает все силы.

— Медик? — в голосе Жаклин прозвучало искреннее уважение. — Значит, вы спасаете людей не только в темных парках.

— В больнице это делать проще, — улыбнулся Али. — Там по крайней мере светло и есть протоколы лечения. Сегодня была тяжелая смена в травматологии — много переломов, ушибов. Если бы те парни не сбежали так быстро, пришлось бы применять свои знания на практике прямо там, на газоне, вправлять им вывихи.

Девушка тихо рассмеялась. Этот смех, пусть и немного нервный, был хорошим знаком. Шок отступал, уступая место естественной реакции организма на спад адреналина.

Они свернули на широкую авеню Фош. Величественные фасады османовских зданий возвышались по обе стороны улицы, освещенные мягким светом старинных фонарей. Редкие автомобили проносились мимо. Жизнь здесь казалась безопасной, размеренной и бесконечно далекой от того страха, который Жаклин испытала полчаса назад.

Возле массивных дубовых дверей одного из элегантных домов девушка остановилась. Над подъездом горел яркий козырек, освещающий мраморные ступени.

— Вот мы и пришли, — Жаклин повернулась к Али. Свет падал на ее лицо, подчеркивая бледность кожи и темные круги под глазами от усталости. — Я даже не знаю, как вас благодарить. Если бы вы не появились...

— Не нужно благодарностей. Главное, что вы в безопасности. — Али переступил с ноги на ногу, чувствуя, как накопившаяся за день усталость снова наваливается на плечи свинцовым грузом. — Поднимитесь домой, выпейте горячего чая с сахаром, это поможет справиться с остатками стресса. Завтра мышцы могут болеть от напряжения, это нормально.

Жаклин достала из кармана ключи, но не спешила открывать дверь. Она задумчиво посмотрела на тяжелую связку в своих руках, затем снова перевела взгляд на спасителя.

— Али... те парни... они видели мое лицо и видели ваше. Они выглядели так, будто привыкли получать все, что захотят. Как вы думаете, они пойдут в полицию?

Молодой человек нахмурился, вопрос был не лишен смысла. Парни явно принадлежали к богатым семьям. Такие люди редко прощают унижение, особенно когда оказываются на асфальте.

— Сомневаюсь, что они захотят рассказывать полиции о том, как пытались ограбить или избить девушку в парке, — медленно произнес Али, хотя внутри шевельнулось неприятное предчувствие. — Но вы правы, нужно быть осторожными. Если вы решите написать заявление на них...

— Нет, — быстро перебила Жаклин, зябко поежившись. — Я не хочу никаких разбирательств, просто хочу забыть этот вечер как страшный сон.

— Понимаю. Но давайте на всякий случай обменяемся номерами. — Али достал из кармана куртки свой телефон. — Если вдруг полиция все же заинтересуется этой стычкой, нам лучше быть на связи. Вы сможете подтвердить, что они напали первыми, а я подтвержу, что они преследовали вас.

Жаклин кивнула, быстро разблокировав свой экран.

— Да, конечно. Диктуйте.

Они обменялись контактами, стоя под ярким светом подъездного фонаря. Сохранив номер, Жаклин убрала телефон в сумку.

— Спокойной ночи, Али. И... еще раз спасибо.

— Доброй ночи, Жаклин. Берегите себя.

Дождавшись, пока тяжелая дубовая дверь закроется за девушкой и щелкнет магнитный замок, Али развернулся и медленно побрел в сторону своего района. Усталость окончательно взяла свое: ноги гудели, а шея снова начала нестерпимо ныть. Он посмотрел на темное небо над крышами Лиона, чувствуя, как холодный ветер пробирается под куртку.

Инцидент в парке казался исчерпанным. Обычная уличная стычка, коих в большом городе происходят десятки за ночь. Студент ускорил шаг, мечтая лишь о горячем душе и кровати, совершенно не подозревая о том, какие жернова уже пришли в движение в роскошном кабинете на другом конце города. Огни Лиона провожали его, расплываясь в холодной вечерней дымке.

Глава 2. Машина лжи

Металлический лязг стерилизатора эхом разнесся по коридору отделения экстренной помощи больницы Эдуар Эррио. Утреннее солнце с трудом пробивалось сквозь плотные пластиковые жалюзи ординаторской, расчерчивая потертый линолеум строгими светлыми полосами.

Али стоял у подсвеченной маркерной доски, внимательно изучая рентгеновский снимок сложного перелома голени. Бессонная четырнадцатичасовая смена давала о себе знать тянущей болью в пояснице и тяжестью в веках, но мозг продолжал работать с профессиональной четкостью. Рядом, заваленный пухлыми картами пациентов, сидел доктор Моро — тучный, седовласый хирург-ортопед, чья требовательность к интернам давно стала местной легендой.

— Смещение минимальное, — произнес Али, указывая колпачком ручки на едва заметную трещину на темной пленке. — Если отек мягких тканей спадет к вечеру, можно обойтись без оперативного вмешательства — достаточно жесткой фиксации.

Моро поверх очков в роговой оправе смерил интерна долгим, изучающим взглядом. В уголках глаз старого врача залегли глубокие тени усталости.

— Согласен с вашим выводом, оформляйте назначение, коллега. Ваша смена закончилась больше часа назад, почему вы еще на ногах?

Слова благодарности за редкую похвалу застряли у Али в горле, потому что двустворчатые двери ординаторской резко распахнулись. В помещение, грубо отодвинув плечом возмущенную старшую медсестру, вошли трое мужчин. Двое в стандартной синей форме патрульных держались чуть позади, а впереди уверенным шагом шел высокий человек в безупречно скроенном сером костюме. Его холодный, цепкий взгляд мгновенно просканировал комнату и остановился на молодом человеке в хирургической робе.

Инспектор Легран не стал утруждать себя приветствиями. Он подошел прямо к столу доктора Моро, доставая из внутреннего кармана пиджака служебное удостоверение с бронзовым жетоном.

— Центральный комиссариат Лиона. Мне нужен Али, — сухо бросил полицейский, даже не глядя на заведующего отделением.

Моро медленно поднялся, тяжело опираясь костяшками пальцев о столешницу. Его массивная фигура инстинктивно загородила практиканта.

— Здесь лечебное учреждение, инспектор. Вы врываетесь в ординаторскую без предупреждения, пугаете персонал. Что происходит?

Легран лишь усмехнулся одними губами. Жестом фокусника он убрал удостоверение и едва заметно кивнул своим людям. Патрульные синхронно шагнули вперед, обходя стол с двух сторон.

— Происходит задержание опасного преступника, — голос следователя зазвучал нарочито громко, чтобы каждое слово было слышно в коридоре, где уже начали собираться любопытные пациенты. — Али, вы обвиняетесь в неспровоцированном вооруженном нападении с причинением тяжких телесных повреждений. Повернитесь к стене и положите руки на затылок.

Смысл сказанного дошел не сразу. Практикант замер, переводя растерянный взгляд с Леграна на приближающихся полицейских. В голове мелькнула мысль о чудовищной ошибке, нелепом совпадении имен. Он сделал шаг навстречу, подняв ладони на уровень груди в примитивном жесте.

— О каком нападении идет речь? Я вчера весь день был на дежурстве, принимал пациентов, а после этого...

Договорить ему не дали. Один из патрульных грубо схватил студента за плечо, разворачивая лицом к маркерной доске. Рентгеновский снимок с сухим шелестом спланировал на пол. Тяжесть чужих рук, профессионально заламывающих запястья за спину, оказалась пугающе реальной. Холодный металл наручников с резким щелчком сомкнулся на правом запястье, затем на левом. Этот звук показался Али самым громким в переполненной шумами больнице.

— Вы не имеете права! — голос доктора Моро сорвался на возмущенный хрип. — Этот юноша — один из лучших моих студентов! Какое вооруженное нападение? Он спасает людей, а не калечит их!

Легран брезгливо поправил манжеты белоснежной рубашки, стряхивая невидимую пылинку.

— Суд разберется, кого он спасает, доктор. А пока я бы посоветовал вам тщательнее проверять тех мигрантов, которых вы допускаете к больным. Уведите его.

Путь по длинному коридору травматологии превратился в бесконечную, унижительную пытку. Пациенты на каталках, медсестры с подносами медикаментов, врачи у сестринского поста — все провожали процессию взглядами. В этих взглядах читались шок, недоверие, а у некоторых — внезапно вспыхнувший инстинктивный страх. Молодой врач, которому многие из них доверяли свое здоровье, теперь шел в стальных браслетах, под конвоем, со склоненной головой. Али чувствовал, как краска стыда заливает лицо, обжигая щеки. Каждое пройденное отделение, каждый поворот больничного лабиринта безжалостно разрушали ту хрупкую репутацию, которую он выстраивал годами упорного труда.

Мягкий джаз из скрытых потолочных динамиков наполнял небольшое кафе на углу улицы Университетской. За столиком у витринного окна Жаклин методично штриховала графитовым карандашом сложную складку на эскизе бархатного платья. Чашка капучино рядом уже давно остыла, покрывшись плотной молочной пленкой. До начала первой лекции по истории костюма оставалось около сорока минут, и студентка наслаждалась редкими мгновениями утреннего спокойствия.

Вчерашний ночной кошмар казался далеким, почти нереальным. При свете дня страх отступил, оставив после себя лишь легкую слабость в коленях да болезненную ссадину на плече от удара о чугунную спинку скамейки. Жаклин убедила себя, что самое правильное решение — просто вычеркнуть этот эпизод из памяти. Тот случайный прохожий оказался абсолютно прав: главное, что она осталась цела и добралась до дома.

Короткая, настойчивая вибрация смартфона нарушила утреннюю идиллию. На экране высветилось пуш-уведомление от популярного новостного агрегатора, на который девушка была подписана ради обзоров светских мероприятий Лиона.

Случайный взгляд на жирный шрифт заголовка заставил карандаш замереть над бумагой. Тонкий грифель с хрустом обломился, оставив на идеальном эскизе уродливую черную черту.

Студентка схватила телефон. Текст на ярком экране казался чьей-то злой, абсурдной шуткой.

«Жестокое нападение в парке Тет д'Ор. Двое молодых людей из уважаемых семей Лиона серьезно пострадали, защищая юную француженку от вооруженного радикала-мигранта. Нападавший, использовавший холодное оружие, задержан полицией сегодня утром на своем рабочем месте».

Под кричащим текстом располагалась фотография. Кадр был намеренно сделан в расфокусе, но Жаклин мгновенно узнала темно-синюю куртку, потертый рюкзак на одном плече и характерный профиль. Это был снимок, сделанный исподтишка у входа в какое-то казенное здание.

Дыхание перехватило, словно из легких разом выкачали весь воздух. Статья пестрела цитатами, от которых по спине поползли ледяные мурашки. Некий Анри Валуа, представленный журналистами как отец одного из пострадавших, заявлял: «Мой сын Жюльен проявил истинное мужество. Они с другом слышали крики о помощи и, не раздумывая, бросились наперерез этому фанатику. Нападавший был вооружен кастетом и действовал с невероятной жестокостью. Если бы не вмешательство наших мальчиков, страшно представить, что случилось бы с той бедной девушкой».

Далее следовал развернутый комментарий известного адвоката Клода Дюбуа, отца второго молодого человека. Юрист в строгих выражениях требовал максимального наказания для «неконтролируемых элементов, терроризирующих мирных граждан в центре Европы».

Каждое напечатанное слово было абсолютной ложью — наглой, перевернутой с ног на голову, сконструированной ложью.

Жаклин почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Те самые уличные хулиганы, которые смеялись, отбирая у нее сумку и прижимая к скамейке, теперь предстали перед всем городом в образе благородных рыцарей. А человек, который в одиночку рискнул собой ради спасения незнакомки, был назван радикалом и брошен за решетку. Счетчик под статьей показывал уже сотни комментариев. Анонимные пользователи требовали выдворить нападавшего из страны, призывали к жестким уличным патрулям, проклинали мигрантов. Машина лжи набирала обороты с огромной скоростью.

Пальцы девушки дрожали, когда она вбивала в поисковик номер центрального комиссариата полиции. Гудки в трубке казались бесконечными. Наконец, механический голос дежурного ответил на вызов.

— Полиция Лиона, слушаю вас.

— Мне срочно нужен следователь, который ведет дело о ночном инциденте в парке Тет д'Ор, — голос Жаклин предательски срывался, но она заставила себя говорить громче. — Задержали абсолютно невиновного человека. Я — та самая девушка, о которой сейчас пишут во всех новостях!

На том конце провода повисла тяжелая пауза, после чего послышались сухие щелчки переключения линии. Ожидание под монотонную электронную мелодию длилось долгие три минуты. Каждая секунда отзывалась глухим, болезненным стуком в висках.

— Инспектор Легран, — раздался в динамике холодный, лишенный всяких эмоций баритон. — С кем я говорю?

— Меня зовут Жаклин, я была в парке вчера ночью. То, что написано в утренних газетах — это чудовищная ложь! Эти двое парней сами напали на меня, они пытались отнять мои вещи. А Али... тот молодой человек, которого ваши люди арестовали, он просто защитил меня от них! У него не было никакого оружия, он...

— Мадемуазель Жаклин, — голос инспектора лязгнул металлом, жестко прерывая сбивчивую речь. — Успокойтесь и возьмите себя в руки. Мы прекрасно понимаем ваше текущее состояние: вы пережили сильнейший стресс. В темноте, в состоянии острой паники человеческий мозг склонен искажать факты и придумывать несуществующие детали. Это классический посттравматический шок.

— Какой шок? Вы меня вообще слушаете? — студентка вскочила из-за столика, не обращая внимания на недоуменные взгляды баристы и других посетителей кафе. Сахарница опасно накренилась, рассыпав белые кристаллы по столешнице. — Я прекрасно видела, кто именно на меня напал! У меня есть их точные приметы. Один был в светлом дорогом пальто, другой — в кожаной куртке. Они угрожали мне!

— У нас на столе лежат официальные медицинские заключения, мадемуазель, — Легран заговорил медленнее, с интонацией взрослого, отчитывающего неразумного подростка. — У одного из молодых людей диагностировано тяжелое сотрясение мозга и рваная рана лица, у

другого — множественные ушибы позвоночника. Такие травмы физически невозможно нанести голыми руками, если только нападавший не использовал специальные средства. Кроме того, у нас есть их подробные, совпадающие в деталях показания.

— Это неправда! Они врут, чтобы спасти себя!

— Следствие располагает всеми необходимыми объективными данными. Ваш воображаемый спаситель уже находится в камере и отказывается сотрудничать, а вам, мадемуазель, я настоятельно рекомендую обратиться к хорошему психотерапевту и не мешать правосудию выполнять свою работу. Ваша память искажена страхом. Всего доброго.

Короткие гудки ударили по барабанным перепонкам, полицейский просто повесил трубку. Он даже не попытался записать ее фамилию, адрес или пригласить в участок для дачи официальных показаний. Ему совершенно не нужна была ее правда.

Стены допросной камеры в подвале центрального комиссариата были выкрашены в тусклый серый цвет, на котором выделялись темные потеки сырости. Единственным источником света служила лампа в металлической сетке под потолком. Воздух здесь был спертый, пропитанным застарелым запахом дешевого табака, пота и вьевшегося в бетон отчаяния.

Али сидел на жестком стуле, намертво привинченном к полу. Правое запястье было приковано коротким браслетом к стальному кольцу на массивной столешнице, металл болезненно впивался в кожу при каждом неосторожном движении. Студент смотрел прямо перед собой, стараясь дышать ровно и глубоко, чтобы унять колотящееся в груди сердце.

Железная дверь с лязгом открылась, в камеру неспешно вошел инспектор Легран. Он бросил на стол пухлую картонную папку, придвинул к себе стул и сел напротив, вальяжно закинув ногу на ногу. Несколько долгих секунд следователь молча изучал задержанного.

— Значит, без пяти минут врач, — задумчиво протянул Легран, открывая папку. — Беженец из Ирака. Получили гражданство совсем недавно, выучили язык. Идеальная интеграция, господин Али. Ваша биография была безупречной до сегодняшнего утра.

Полицейский извлек из папки несколько отпечатанных листов и небрежно толкнул их по гладкой поверхности стола. Бумаги остановились точно перед прикованной рукой задержанного.

— Это чистосердечное признание, — пояснил инспектор, доставая из кармана пиджака массивную перьевую ручку и кладя ее поверх текста. — Вы подписываете, что, находясь в состоянии аффекта на почве личной неприязни, спровоцировали конфликт с двумя местными жителями. Признаете использование запрещенного ударно-дробящего оружия. Делаем один росчерк — и мы оформляем это как банальное хулиганство. Учитывая ваши положительные характеристики с места учебы, возможно, отделаетесь условным сроком.

Али опустил взгляд на текст. Ровные строчки казенного шрифта складывались в чудовищную картину, не имеющую ни единой точки соприкосновения с реальностью.

— Я не буду это подписывать, — его голос прозвучал хрипло после долгого молчания, но абсолютно твердо. — Я ни на кого не нападал. Эти двое парней силой удерживали девушку в парке. Я вмешался исключительно для того, чтобы защитить ее. У меня не было никакого оружия, только руки.

Легран тяжело, театрально вздохнул, убирая дорогую ручку обратно во внутренний карман. В его холодных глазах мелькнуло нескрываемое раздражение.

— Послушайте меня очень внимательно, парень. Вы даже близко не представляете, в какую мясорубку вязались. Люди, чьих сыновей вы вчера избили на аллее, это не уличная шпана из пригородов — это элита. Владельцы крупнейших медиахолдингов, ведущие адвокаты... Они могут купить этот город вместе с мэром. Против вас сейчас выступают самые уважаемые и влиятельные люди Лиона.

Инспектор подался вперед, опираясь локтями о стол.

— Если вы упретесь, дело пойдет по статье о покушении на убийство с отягчающими обстоятельствами. Ваша карьера будущего врача окончена прямо в эту секунду. Ни одна больница во всей Франции не возьмет на работу человека с таким клеймом. Вас с позором отчислят из университета еще до начала суда. А пресса... мои друзья в прессе уже сделали из вас монстра. Вы действительно хотите бороться с ветряными мельницами? Подпишите бумагу и спасите остатки своей жизни.

Слова полицейского падали тяжело, методично разрушая фундамент всего того, что семья Али строила по крупицам после бегства из разрушенного Мосула. Одно движение ручки — и он официально признает себя преступником, перечеркнет клятву помогать людям и навсегда разобьет сердце своим родителям.

Молодой человек поднял глаза на инспектора. В них не было того животного страха, которого так ждал Легран, в них горело упрямое, спокойное достоинство. Свободной левой рукой Али сдвинул отпечатанные листы обратно на край стола.

— Мой отец десять лет работал простым санитаром, вынося судна, чтобы подтвердить свой диплом врача в этой стране, — медленно, чеканя каждый слог, произнес студент. — Мы бежали от тех, кто заставлял людей подписывать ложь под дулом автомата. Я не испугался террористов тогда, и не испугаюсь вас сейчас. Я требую адвоката.

Легран скрипнул зубами. Маска снисходительного профессионала дала глубокую трещину. Он резко поднялся, сгреб бумаги со стола и направился к выходу.

— Вы сильно пожалеете об этом, — бросил он через плечо. — Сгниете в камере до суда.

Массивная дверь захлопнулась с оглушительным грохотом. Замок дважды лязгнул, отрезая путь к свободе. Али остался один в серой, давящей тишине, наедине со своим выбором.

Тем временем в светлом кафе на Университетской улице Жаклин неподвижно смотрела на погасший экран смартфона. Короткий разговор со следователем расставил все по своим местам: система не просто совершила досадную ошибку — она целенаправленно и предельно цинично уничтожала невинного человека. Полиция, пресса, влиятельные семьи — все они мгновенно сомкнули ряды, чтобы защитить двух избалованных мерзавцев, сделав крайним того, кто оказался удобной мишенью.

В памяти ясно всплыло уставшее лицо Али, освещенное желтым светом подъездного фонаря. «Вы имеете право ходить по своему городу, не опасаясь, что на вас нападут». Он не раздумывал ни секунды, когда шагнул из спасительной темноты к скамейке. Он рискнул своим здоровьем и будущим ради нее.

Оставить все как есть, спрятаться за советом полицейского означало стать соучастницей этого преступления. Молчание сделало бы ее точно такой же, как те подонки в парке.

Решение созрело мгновенно, кристально ясное и не терпящее отлагательств.

Жаклин бросила на столик смятую пятиевровую купюру, подхватила сумку с эскизами и стремительно выбежала на улицу. Осенний ветер ударил в лицо, растрепав светлые волосы, но она даже не поежилась. Проигнорировав поворот к величественному зданию университета, где через пять минут должна была начаться важная лекция, девушка бросилась к стоянке такси на противоположной стороне перекрестка.

Резко распахнув дверцу желтого «Пежо», она опустилась на заднее сиденье. Пожилой водитель вопросительно посмотрел на нее через зеркало заднего вида.

— Куда едем, мадемуазель?

Жаклин крепко сжала кожаный ремешок сумки, чувствуя, как внутри разгорается незнакомая, обжигающая решимость.

— В центральный комиссариат полиции, и, пожалуйста, как можно быстрее. Я должна подать официальное письменное заявление.

Машина плавно отъехала от тротуара, вливаясь в плотный утренний поток. Студентка смотрела в окно на проносящиеся мимо фасады старинных зданий, отчетливо понимая, что ее спокойная, размеренная жизнь дала трещину.

Глава 3. Давление и правосудие

Вспышки фотокамер ослепляли, превращая узкий коридор исторического здания Дворца правосудия Лиона в сплошную пульсирующую белую полосу. Толпа репортеров с микрофонами, облепленными логотипами ведущих национальных телеканалов, плотным кольцом осаждала массивные дубовые двери зала заседаний номер четыре. Гул десятков голосов сливался в непрерывный, давящий на уши рокот, многократно усиленный высокими сводчатыми потолками.

Внутри зала царила совершенно иная атмосфера. На первой скамье для публики, закинув ногу на ногу, сидел Анри Валуа. Владелец медиахолдинга чувствовал себя здесь полноправным хозяином положения. Он непринужденно переговаривался с журналистами из пула своего собственного издания, изредка бросая ободряющие взгляды на бледного Жюльена. Юноша сидел рядом с Максимом по правую руку от адвокатской трибуны, нервно теребя край безупречно выглаженного пиджака.

Боковая дверь со скрипом отворилась. Разговоры в зале мгновенно стихли, уступив место оглушительному стрекотанию затворов репортерских камер. Двое жандармов ввели Али. На запястьях молодого человека больше не было наручников — их сняли перед самым входом, — но конвой держался вплотную, словно конвоировал особо опасного рецидивиста. Студент выглядел изможденным. Темные круги под глазами резко выделялись на побледневшем лице, простая серая рубашка помялась после долгого пребывания в камере предварительного заключения. Однако спину он держал неестественно прямо, глядя прямо перед собой и игнорируя направленные на него объективы.

Судья Лоран, грузный мужчина с глубокими, резкими морщинами на лбу, занял свое место на возвышении. Раздался сухой, короткий удар деревянного молотка. Заседание началось.

Клод Дюбуа поднялся со своего места плавно, без малейшей суеты. Черная мантия адвоката взметнулась, подчеркивая каждое его движение. Выступая со стороны гражданского истца, он начал свою речь нарочито тихо, заставляя присутствующих затаить дыхание и прислушиваться к каждому слову.

— Ваша честь, господа, — голос юриста вибрировал от тщательно выверенного негодования. — Сегодня мы рассматриваем дело, которое выходит далеко за рамки обычного уличного конфликта. Перед нами акт немотивированной, варварской агрессии. Мой клиент, Жюльен Валуа, и его друг Максим проявили высшую степень гражданской ответственности. Услышав крики о помощи в ночном парке, они бросились на выручку. И что же они получили в ответ? Жестокое избиение с применением холодного оружия.

Адвокат сделал эффектную паузу, прохаживаясь вдоль стола. Его взгляд скользнул по скамье подсудимых, где неподвижно сидел Али, и остановился на рядах для свидетелей.

— Защита попытается убедить вас, что потерпевшей стороной является некая мадемуазель Жаклин, — продолжил Дюбуа, понизив голос до доверительного шепота. — Девушка, которая якобы подверглась нападению со стороны моих подопечных. Но давайте смотреть фактам в лицо. Первоначальный шок бедной студентки сменился паническим ужасом, и этот ужас вызван вовсе не двумя благовоспитанными юношами. Мы имеем все основания полагать, что мадемуазель изменила свои показания под колоссальным давлением. Обвиняемый не действует в одиночку: его сообщники, разделяющие те же радикальные взгляды, запугали свидетельницу, заставив ее оговорить своих настоящих спасителей.

Скамья прессы одобрительно загудела. Несколько репортеров быстро застрочили в блокнотах, фиксируя хлесткие формулировки для вечерних выпусков. Анри Валуа едва заметно кивнул, удовлетворенный работой своего старого партнера.

Судья Лоран не проронил ни слова, он лишь медленно перевернул страницу в пухлой папке с материалами дела, постукивая колпачком перьевой ручки по столешнице.

Когда судебный пристав пригласил к трибуне Жаклин, в зале повисла тяжелая тишина. Студентка шла по проходу, чувствуя на себе сотни оценивающих, колючих взглядов. Деревянный барьер свидетельского места оказался холодным и гладким. Девушка вцепилась в него побелевшими пальцами, стараясь унять дрожь в коленях. Свет потолочных ламп бил прямо в глаза.

— Мадемуазель, суд готов выслушать вашу версию событий той ночи, — произнес судья Лоран. В его скрипучем голосе не было ни враждебности, ни сочувствия — только профессиональная отстраненность.

Жаклин сделала глубокий вдох, воздух в легких казался обжигающе горячим. Она перевела взгляд с судьи на скамью подсудимых. Али смотрел на нее спокойно, и в этом взгляде читалась та же уверенность, с которой он шагнул из темноты парка навстречу хулиганам. Этот молчаливый контакт придал ей сил.

— Версия господина адвоката — это абсолютная, выдуманная от первого до последнего слова ложь, — голос девушки прозвучал неожиданно звонко, отразившись от деревянных панелей зала. — Никто мне не угрожал, никто из знакомых Али со мной не связывался. Единственные люди в этом зале, которых я действительно боюсь, сидят сейчас рядом с адвокатом Дюбуа.

По залу прокатился ропот. Клод Дюбуа попытался вскочить с места, вскинув руку в протестующем жесте, но судья Лоран осадил его коротким ударом молотка.

— Продолжайте. Опишите нападавших.

Жаклин повернулась прямо к рядам, где сидели Жюльен и Максим. Юноши попытались сохранить независимый вид, но Максим нервно сглотнул, опустив глаза.

— В ту ночь в парке Тет д'Ор было темно, но свет фонаря падал прямо на них, — начала студентка, чеканя каждое слово. — Я учусь на модельера-конструктора и замечаю детали, которые другие могут пропустить. Тот, что повыше, Жюльен, был одет в светлое кашемировое пальто. Ручная строчка на лацканах, характерный воротник-стойка, пуговицы из темного рога. Второй был в кожаной куртке с асимметричной металлической молнией и рельефными швами на плечах.

Она сделала паузу, позволив суду осмыслить сказанное.

— Когда они зажали меня у скамейки, Жюльен держал меня за запястье и смеялся. Я помню каждое его слово, он сказал: «Да брось, мы же просто хотим познакомиться. Чего ты такая нервная?». А Максим дергал мою сумку и добавил: «Отдай по-хорошему, мы посмотрим, что там». Скажите, господин Дюбуа, — Жаклин в упор посмотрела на опешившего адвоката, — напуганная жертва, которую якобы спасают от вооруженного радикала, стала бы запоминать фактуру кашемира и точные цитаты своих спасителей в момент, когда у нее пытаются вырвать вещи?

Лицо Анри Валуа в первом ряду потемнело. Он наклонился вперед, сверля девушку ненавидящим взглядом. Дюбуа лихорадочно перебирал бумаги на столе, пытаясь найти подходящую зацепку для контратаки.

— Ваша честь! — воскликнул юрист. — Эти показания могли быть заучены заранее. Мы представили суду официальные медицинские заключения, у моих клиентов диагностированы тяжелые травмы — ушибы позвоночника, рваные раны. Один человек голыми руками не мог нанести такие повреждения двум спортивным юношам. Обвиняемый использовал кастет, что подтверждает его агрессивные намерения!

Судья Лоран отложил ручку. Он снял очки в тонкой золотой оправе и устало потер переносицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.